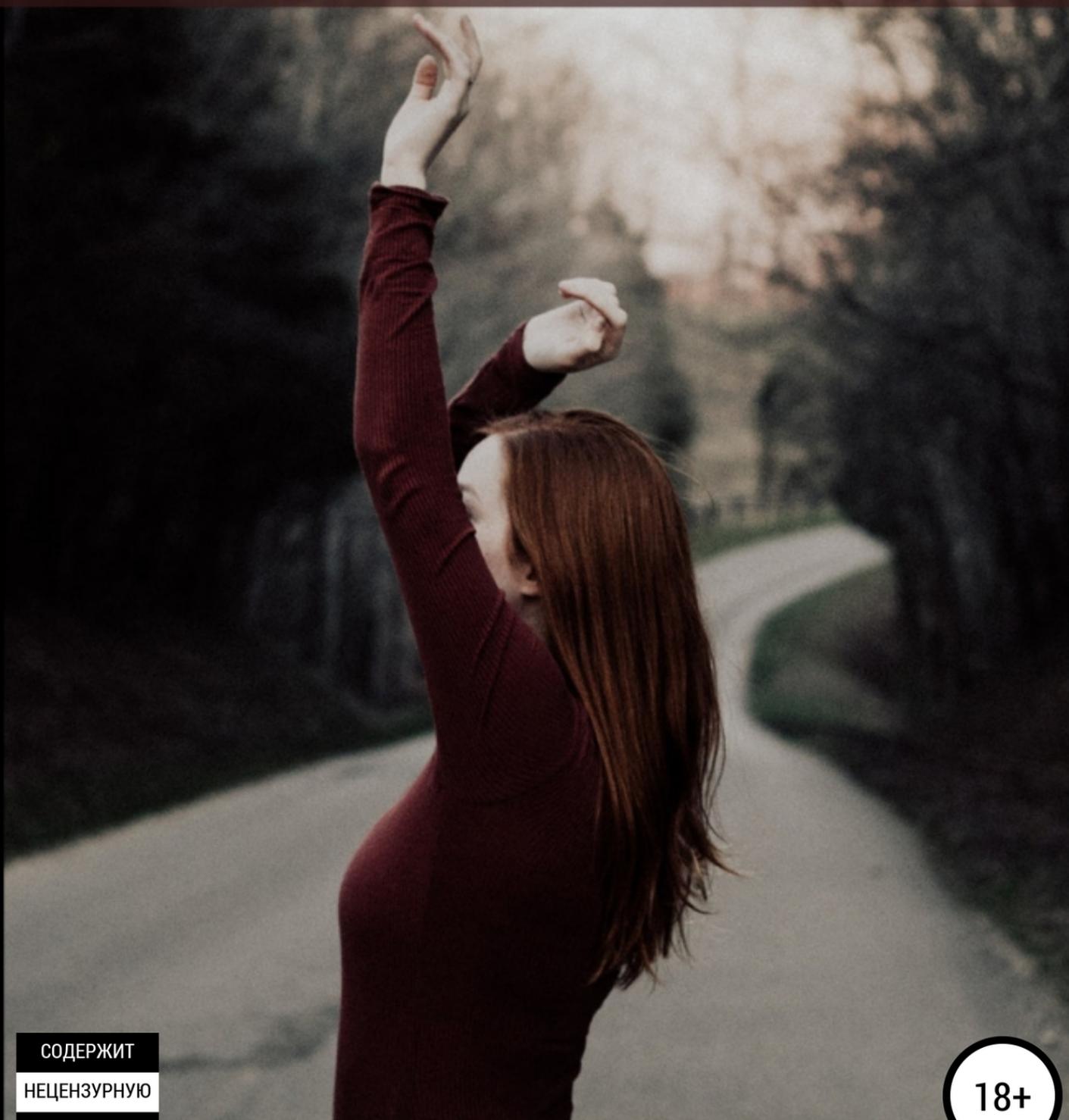

АНДРЕЙ ТЕРЕХОВ

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Андрей Терехов
Зал ожидания (сборник)

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Терехов А. С.

Зал ожидания (сборник) / А. С. Терехов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Вообразите сборник темных, нуаровых историй, который следовало бы назвать "Откровение". Ибо - да, да! -это самое откровение неумолимым палачом ждет героев в конце каждой из новелл, чтобы перевернуть, как переворачивается под ногами льдина, опрокинуть и похоронить персонажей - под новым восприятием себя, людей и окружающего мира. В оформлении обложки использована фотография с ресурса [unsplash](https://unsplash.com/). Содержит нецензурную брань.

Содержание

Зал ожидания	5
Три дня Золотарева	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Зал ожидания

Акт 1 Помнишь мост на Тульской?

Почувствуйте холод под сердцем. Тревогу, неизвестность, ожидание. Получилось? Умножьте эти ощущения на два и поймете, что чувствую я, встречаясь с отцом Таси. Познакомьтесь с ним, не стесняйтесь: Никита Сергеевич. Немного лысины, немного кудряшек, глаза внимательные и печальные.

Раньше Н.С. занимал скользкую должность при Минобороны и после октябрьского путча угодил в тюрьму. Не столько за преступления, сколько за отказ их совершать, впрочем, уже через полтора года мужчину амнистировали. Теперь он преподает географию и пишет труд о Беллингаузене, теперь семья и дом, и никакой политики.

Мы встречаемся с Н.С. в кафе на станции "Университет". Снег густой, небо черное, души бродят в потемках между огнями витрин и фонарей. Мне холодно и не по себе, а Н.С. впереди, Н.С. кивает и улыбается. Это очень нервирует, поверьте.

– Денис, ты никак подрос?

Руки у Н.С. в белых пятнах. Кажется, это называется витилиго.

– Здравсьте! Нет. Нет, вроде бы. Ну и как? Вы? У вас?

Да, знаю, глупо звучит. Рукопожатие получается под стать – до ломоты в скулах неловкое. Мы немного разговариваем о том о сем. Из окна кафе виднеется цирк и ряды монументальных советских высоток – этакая полустертая дорога в никуда.

О себе: я пилотирую суда гражданской авиации. Раньше возил туристов в восточную Азию, а теперь – одну-единственную бизнеследи в Техас и обратно, в Техас и обратно, как будто догоняю солнца восход. У Марии в Техасе вышка, а у меня – бессрочная медстраховка и карточка в спа-салон.

Чаще всего я живу в небе или отелях с охраной начальницы, но иногда ей надоедает быть финансистом – тыкву ставят в гараж, золушка отправляется на море. Мы как сомнамбулы бродим по полупустым квартирам, к которым никак не можем привыкнуть, и ждем заветного звонка: "У меня встреча на Тенерифе".

– Денис, – Н.С. переходит к делу, и лицо мужчины едва заметно напрягается, – я хочу, чтобы ты поговорил с Тасей.

Ну вот, я нервничаю еще больше, хотя поводов, казалось бы, нет. С Тасей мы разошлись около года назад: она любила меня, а я – некий идеальный, несуществующий образ. Расставались мы тяжело, но каким-то чудом сохранили нейтральные отношения. Поздравляли друг друга с праздниками, не обзывались и старались избегать общих компаний. И вот пришел Н.С..

– Никита Сергеевич, зачем? Ей только труднее будет.

Н.С. достает телефон (рука чуть дрожит) и показывает фото. Там Тася с белыми, под снег, волосами. Смотреть на снимок приятно, но иногда прошлое лучше оставлять позади. Тот самый случай.

– Она покрасилась? – я улыбаюсь. – Передайте, что ей идет. Впрочем, нет, лучше не передавайте, это зря. Да, зря.

Я слишком много говорю. Ем и пью, чтобы замолчать; в зале мигает свет, и столешницу орошает тяжелым, в пол-накала сиянием.

– Сейчас все восстановится! – объявляет официант. – Приносим извинения за временные неудобства!

– Сначала я тоже думал, что покрасилась, но супруга сказала, что корни седые.

Мне становится нехорошо. Щеки в жар, сердце в холод.

– То есть, Тася поседела? – спрашиваю я недоверчиво. – В двадцать три года? Поседела? Вот так, ни с того ни с сего?

Н.С. сердито кивает.

– Еще громче не можешь? Как раз когда мы в Швецию летали на новогодние праздники. Вот и оставляй вас одних. Двадцать лет, а ума ни на грош. И спрашивали, что случилось, но она молчит. "Покрасилась и точка". Ты же понимаешь, Денис, что человек так просто не поседеет? Что-то вот... Тася и поститься тогда вздумала. Никогда не была религиозной, а тут... Мы уже все извелись, особенно Маргарита Сергеевна. Я-то догадываюсь, что дела любовные, но ты попробуй матери объясни, почему это ее дочь в двадцать лет как смерть белая. Понимаешь?

Я понимаю. Выходит, Тасю очень сильно огорчили или напугали, и мне ее искренне жаль.

– Никита Сергеевич, не лучше ли без меня? – спрашиваю я с набитым ртом. – Она подумает...

– Прожуй.

Взгляд у Н.С. такой, что я едва не давлюсь. Спорю, за похожее его и ушатали по этапу.

– Он... сек... она подумает, что я изменил отношение, начнет надеяться. Те же грабли, что и раньше. Я что? Я к ней хорошо отношусь, и к вам, конечно, но я не лучшая кандидатура, чтобы разбираться в ее личной жизни. Сейчас. Да и... вообще.

Лицо Н.С. едва заметно черствеет. Не такой он ждал реакции, ну, да что уж поделывать.

– Денис, тут, говорится, страна сказала "иди", и ты идешь, потому что больше некому.

– Страна ошиблась в выборе кандидатуры.

– Да Бог с ней! Тася тебе доверяет, ты пойми. Ты ее не обманывал, не предавал – тебе она скорее расскажет, чем кому бы то ни было. Мы с Маргаритой Сергеевной уже и подруг опробовали, и друзей – все без толку. Она говорит, что с ними была на новогодние и на Рождество, а они говорят, что нет. Что там?.. Поговори с ней, Денис, я тебя как человека прошу. Нам деталей-то никаких не надо. Главное, чтобы у нее проблем не было, понимаешь?

Я отвожу взгляд: уж больно тревожный у Н.С. вид. Вот и что делать?

Смотрю за окно, где мигает и гаснет уличный фонарь, а случайного прохожего пожирает зимняя мгла. Меня пробирает озноб.

– Денис, – зовет Н.С., – как говорится, страна тебя просит. Только узнай, что все хорошо у Таси, и проблемы кончились. Вот тебе последний аргумент: в моей комнате, если помнишь, стоит сейф с пистолетом. Богом клянусь, Царем-батюшкой, что его открывали после новогодних праздников. Ни жена, ни Тася не признаются, но кому ты будешь верить?

Меня одолевает любопытство.

– Давно вы сами им пользовались?

– Да на Новый год, я там, кроме "маузера", фейрверки положил. И вантус. И сырковую массу, и свечи, и ножницы, и двести пятьдесят грамм краковской колбасы. Вот что ты смотришь? – Н.С. кивает в мою сторону здоровенным чизкейком. Ест он его не ложкой, как все нормальные люди, а руками. – Выпивши был. И закрываю обычно только на кодовый замок, но тут на штурвал закручено оказалось. Получается или я сам сморозил, или кто-то другой открывал. Ну? Поможешь?

Мне становится вконец неловко, что пожилой и в общем-то приятный человек уговаривает насчет такой мелочи. Я достаю телефон и набираю коротенькое SMS: "Помнишь мост на Тульской?"

Ответ приходит буквально через минуту, только два слова: "4mak ☺ Vo skol"ko?"

Акт 2 Смерть тебе к лицу

На подбородке ямочка, а глаза всегда лукавые и будто прищуренные.

Метет крупный снег.

Волосы седые, сапоги длинные, пальтишко куцее. На правой ноге нет мизинца – отморозила во время лыжных соревнований.

В детстве у Таси была задержка речевого развития. Из-за этого девушка плохо училась, а потом взяла и выбрала самую неподходящую профессию, где только и надо, что говорить, – журналистику. С тех пор болезнь сошла на нет, и лишь иногда находит на Тасю некая окаменелость: ни звука, ни жеста, и в глазах мертвая тишина.

– Привет, аутичная душа.

– Привет, Токио, – голос у Таси веселый, но взгляд странный, "с душком". Лицо румяное с холода.

– Мимикрируешь под сугробы?

Вместо ответа она целует меня в щеку, и это горячо, это приятно, это немного дольше, чем следует.

Ощущение от прогулки по железнодорожным путям странные. Я чувствую себя на невидимом канате, где достаточно одного неосторожного слова, чтобы все началось вновь. Честное слово, как в какой-то дурацкой песне.

– А знаешь, Дениска, у меня теперь новый мальчик, – вдруг заявляет Тася.

Я смотрю на девушку и искренне улыбаюсь.

– Да? Кому не повезло?

Лицо ее чуть темнеет.

– Ух, зачем ты так говоришь? Я у него как-то интервью брала. Стартапер. Миленский такой. И серьезный!

Ужаснее сочетания не придумаешь: "Стартапер", "миленский", "серьезный". Быть может, в нем и проблема?

– У тебя с ним все хорошо? Скажи честно, – тихо спрашиваю я. Тася улыбается и резко стопорит. Мы на пешеходном переходе, светофор показывает зеленые цифры 11, 10, 9. Я стою в луже.

– Тебя папа попросил? А я-то, дуреха.

Это столь неожиданно, что мои мысли замирают от смущения. Как же ответить? 8, 7.

– Давай перейдем? – я тяну Тасю вперед, но она качает головой. Лицо красивое, немного обиженное. Цифры светофора доходят до пяти, и раздается мерзкий писк.

Девушка испуганно оглядывается на звук, затем поворачивается ко мне: настороженная, хмурая.

– Дениска, у меня все чудесно, поверь. Впервые в жизни. Я потому и встретила с тобой, чтобы ты больше не боялся. Я больше не буду тебя преследовать, никогда. У меня все чудесно.

Тася говорит это, а глаза темные, бездонные, как воронка смерча. Не верю.

Желтый на светофоре. Где-то сбоку взбрыкивает двигатель.

– А волосы?

– Так мне же идет.

– Да, уж, смерть тебе к лицу.

Красный.

Акт 3 Да какого черта?

– Никита Сергеевич, – дозваниваюсь я с третьей попытки. Иду быстро, сквозь наносы снега, и дыхание сбивается. – Он.. она меня раскусила. Ну, что от вас.

В ответ слышится тяжелый вздох. Мол, понадеялись на дурака. Слева от меня вырастает колокольня Свято-Даниловского монастыря: стены розовые, наличники белые, как у упаковке разноцветной пастилы.

– Сказала что-нибудь? – спрашивает Н.С.. Чуть резче, чем следует, но я решаю не заострять внимание.

– Вообще-то да. Что у нее все "чудесно". И знаете что? Это ведь и странно. Она же так никогда не говорила. "Неплохо", "нормально", но "чудесно"? Либо она изменилась, либо она и в самом деле счастлива, либо...

– Либо творится что-то жутковатое. Ладно, Денис, и на том спасибо. Родина в долгу не останется, – Н.С. звучит примирительно и устало. – Я посмотрю, подумаю. Я...

Голос его становится совсем уж тихим. Сбоку гремит желтобокий трамвай, и я инстинктивно ускоряю шаг, будто иду не по тротуару, а по проезжей части.

– Послушайте, может, в полицию обратитесь? – предлагаю я. – Или к частному сыщику.

– Денис, я уже сам как частный сыщик. Выпотрошил консьержку на записи видеокамеры в подъезде, сижу, как дурак, смотрю.

Я с улыбкой представляю эту картину, и тут меня ослепляет светом фар с боковой улицы. Приходится отойти в сторону.

– Хочешь, присоединяйся, – добавляет Н.С.

"Присоединяйся"! Грузовик с визгом пронесется мимо и окатывает вонью выхлопных. Да какого черта?

Акт 4 На запах круглое, на вкус квадратное

Итак, нужно проглядеть диски с третьего по девятое число. То есть, около 160 часов зануднейшего действия, а-ля день рождения Иа: входит – выходит, входит – выходит.

Мы с Н.С. решаем поделить задачу надвое. Смотрим ночью, созваниваемся днем, чтобы Тася ничего не заподозрила. На записях ее черноволосая копия ходит от лифта и обратно – то с пакетами, то с сумками, то с невзрачной подружкой.

Сбор данных я провожу у себя. В полупустой квартире, которая всегда кажется чужой, где только холодильник, кровать и плазма во всю стену. Шелестят батареи, гудит дисковод проигрывателя, а я то и дело включаю перемотку. Иногда складываю бумажные самолетики. У меня такое хобби – уже полторы тысячи семьсот две штуки белых, никому не нужных порхунов. Они валяются на полу, подоконнике, кровати – везде; словно печальное кладбище бумажного авиапрома.

Третье января – мимо. Девятое – мимо. наших с Тасей общих друзей я уже аккуратно обзвонил и уточнил, что с ними она в новогодние праздники не была. Откуда же та подружка?

Четвертое, восьмое – мимо. Нет, вот странность: Тася, уже седая, приближается к лифту и вдруг делает шаг назад, словно увидела что-то настораживающее или пугающее. Я просматриваю несколько минут до и после: по видео в кабинке никого. Что ж, попробуем с другой стороны. Н.С. по моей просьбе проверяет лифт, но странностей не находит, только полустертую надпись: "Я и огонь. Агония". Это лишь строчки из песни "Сожженная заживо", и так обычно пишут воинствующие подростки. Тупик.

Я проверяю соцсети. С подружкой ничего не получается, зато новый "мальчик" Таси там. Странная вещь: общих фотографий не видно, и знакомцев у него почти нет. Я случайно нахожу наши с Таси снимки и на пару часов улетаю в прошлое. Вот Берлин, вот Копенгаген, вот Глазго. Нет лишь Токио, а встретились мы осенью 2008 там, в зале ожидания аэропорта Нарита. Тася возвращалась со стажировки, а я был вторым пилотом на московском рейсе. Потом авиакомпания разорилась, и я стал водить частный самолет у Марии. Полеты легче, зарплата больше, а удовольствия нет. И нас с Тасей нет. На старых фото мы выглядим красиво, и от этого как-то особенно грустно. Странное дело, счастливые моменты были, а любви не нашлось.

Я создаю поддельный аккаунт и пишу стартаперу в духе "а помнишь, в пятом классе". Ответ приходит через день, латиницей:

"Zdravstvuyte, Petr

Boyus" ya vas ne pomnyu. Vi ni4ego ne pereputali?"

Стилистика транслита как у Таси. Они так похожи, или?..

– Никита Сергеевич, – звоню я, и голос заметно дрожит, – а вы ее стартапера лично видели?

В ответ тишина. Видимо, Н.С. подумал о том же.

– Нет. Это что, это она и с ним макарон навешала?

– Да похоже, – я сумбурно рассказываю про аккаунт. – Вы на каком дне видео?

– Рождество. Еще темная. Ничего такого. Разве что надпись на пакете была странная:

"На запах круглое, на вкус квадратное". Я у нас такого не видел, запомнил бы. А ты?

– На пятом. Опять споткнулась.

– Она, когда первый раз пошла ребенком, разбежалась – и в батарею. У меня чуть инфаркт не случился, а она сидит с шишкой на макушке и "гугу".

Мы смеемся и продолжаем осмотр. Созваниваемся, сверяем данные – и опять. Итог такой: седьмого числа в 19:11 Тася заходит в лифт нормальная, а восьмого в 14:42 выходит седая. Получается, что бы ни произошло, оно имело место в их квартире.

Акт 5 Сердце в рамочке

Осмотр мы с Н.С. ведем по комнатам. За окнами завывает метель, а холодильник то стонет, то квакает. Меня то и дело продувает озноб – кажется, что открою ящик, а там мертвец или половина мертвеца. Или одна восьмая.

Задача: "Сколько дробных частей дерзко убиенного трупа влезают в среднестатистический комод?"

В холле ничего, в гостиной и кухне – ничего.

Тут, словно у Таси камера наблюдения, приходит сообщение на мой мобильный:

"(транслитерация) Ты меня часто вспоминаешь? Только не ври".

Я Тасю не вспоминал два года. Кроме праздников, конечно, когда отсылал ей поздравления среди вереницы других одинаковых "смс". Врать не хочется, отвечать – не знаю что. Я убираю мобильный в карман.

– Кофейку? – предлагает взмыленный Н.С..

– Не-а.

– Чайку?

– Не-а.

– Денис, ты меня извести хочешь?

С балкона вид на Тасин велосипед, реку и набережную Киевского вокзала. Машины и троллейбусы вязнут в липкой мгле, верещат и никак не могут разъехаться. Справа метромост, над городом серая пелена. В руке чашка, и она горячая, и пар клубится, смешиваясь с дымом сигареты Н.С.. Сквозняк охаживает ноги льдом, и я шевелю пальцами.

– Лукумчика?

– Премного благодарен.

Новое сообщение от Таси:

"(транслитерация) Извини, что спросила, лучше не отвечай".

Мне немного ее жалко, и я даю слабинку:

"Нет, не вспоминаю. Хотя вчера ты мне снилась".

Да, снилась, и это странно. Сон был теплый и нежный, такой не хочется отпускать, а он уже почти забылся – нечто призрачное, светлое, грустное, ускользнувшее вслед за луной.

– Знаешь, Денис, – голос Н.С. сипловат, – вот подумаю, что буду в вещах дочери копать, и противно на душе, что хоть... Да-а.

Комната Таши похожа на воронку от взрыва конфетти. Все какое-то яркое, кругленькое. С бюро тошнит семечками тыквенную голову, на спинке стула – желтые носки с паровозиками, на стене – пакет из Токийского duty free в рамочке: "Narita Nakamise". Первый терминал, северное крыло, зал ожидания. У меня сдавливают горло.

Чтобы скрыть эмоции, быстро открываю ноутбук: клавиши маленькие, гладенькие, не для мужской руки. Н.С. забирается в шкаф.

– Ядрить твою налево. Зачем ей столько босоножек?

– Зачем ей паролить дома почту и соцсети?

– А штанов?! Я в одних десять лет хожу, еще в Польше купил.

Он говорит о Польше, как о чем-то древнем, вроде Шумерского царства, пока я копирую на флешку папку 'Библиотеки'. Запускаю поиск за 07.01 – 08.01: аудио, видео, картинки – Тасе явно было нечем заняться, и она целыми днями сидела в интернете. В Новый год. Зачем? Файлов столько, что глаза идут кругом. Ладно, попробуем папку 'Работа'. Последний репортаж, над которым работала Тася, датируется февралем, предпоследний – декабром-январем. Тема – новогодние и рождественские традиции: колядование и пост, гадания и блюда. В файле есть дата интервью – 20:00 07.01.12. Но с кем и где? И как можно проскользнуть мимо камер? У меня по спине начинают бегать мурашки.

Мы просматриваем видео по новой. Ошибки нет: седьмого числа в 19:11 Тася заходит в лифт, а восьмого числа в 14:42 выходит. Седая.

– погоди! – Н.С. победно вздымает руку с очередной босоножкой. – Видео тут пишут на диски, а диски могут закончиться. Тогда между концом записи седьмого числа и началом восьмого будет промежуток.

Я проверяю время: 00:16 и 6:12. То есть, Тася ездила брать интервью в ночь после Рождества? Странное и другое: на диске еще оставалось свободное место, но запись остановилась раньше.

– Это я знаю, почему, – говорит Н.С., – у соседей часы на музцентре в это же время встали часы. Электричество в доме пропало, видимо, на несколько минут.

В тумбочке мы находим желто-лилово-полосатый пакет с той надписью про круглое. Внутри – треснувшее, оплавленное зеркало и товарный чек на 1250 рублей. Магазин "Мистер Х", наименование: "Бледно-синий перелом". Пахнет китайским пластиком.

Н.С. сопит над ухом, кладет на стол ладонь в пятнах вителиго. Вроде маленький, а до чего же с ним тесно.

– Ну? – спрашивает Н.С. – Страна уже знает, что это?

Я качаю головой и набираю сайт магазина. Ответ – трехмерная гирлянда. Нудное описание в духе "это изменит ваш праздник" и всякие предупреждения – мол, не суйте в микроволновку, не надевайте на кошку, больных эпилепсией или себе на голову.

"Для активации сломайте посередине".

– Сразу видно, американцы писали, – замечает Н.С., и тут приходит новое сообщение от Таши:

"(транслитерация)Да, я тоже стараюсь не вспоминать, хотя иногда ловлю твой запах в метро и начинаю озира́ться, а тебя, конечно, нет. Как будто вижу призрак. Брр!"

Не знаю, как ответить. Н.С. смотрит через плечо, чем изрядно выводит из себя, и советует:

– "В метро". Денис, ты к нам не приходи больше немывтым, хорошо?

– Хорошо, – смеюсь я в ответ и тут соображаю: – Если интервью в восемь, а в семь Тася вернулась домой, то либо встреча была по "скайпу", либо здесь, в доме.

Н.С. хмурится, как порченное яблоко.

– С кем? Тут одна молодежь почти, а в традициях вы, гм, не лучше, чем свиньи в апельсинах.

Кажется, у Н.С. было иное сравнение на языке. Я проверяю "скайп" – звонков на Рождество нет. Значит, тут, в подъезде? Н.С. пытается вспомнить, дружила ли с кем-то из местных Тася. По всему видать, не дружила.

– А что если устроить очную ставку? – предлагаю я.

– С Царем-Батюшкой?

– Сначала со мной, это просто. Потом с лифтом, это посложнее.

Акт 6 То, чего больше нет

Наоборот. Это Тася не хочет встретиться. Странно, унизительно, и раньше такое случалось только в обратную сторону.

– Денис, зачем? – голос в телефоне усталый. – Я счастлива, не мучай меня, я тебя прошу. Живи своей жизнью, а папа... папа всегда волнуется не по делу.

Телефон пищит – смс от Марии: "Хватай самолет и забери меня с Родоса. Мише скажи, чтобы заехал за одеждой для Насти. Настю заберете в Москву. Напиши время прибытия".

Как обычно все не вовремя.

– Денис? Ты здесь? – голос Таси чуть ломается. – Леди-вышка?

Я шумно выдыхаю.

– Да. Зовет в полет. Как ты узнала?

Тася судорожно вздыхает и, кажется, перекладывает телефон в другую руку.

– Вспоминаешь Токио? – спрашивает девушка через некоторое время.

У меня непроизвольная улыбка на лице. Я подхожу к окну и упираюсь лбом в холодное стекло. За ним вихрится снежная крошка, за ним низкое зимнее солнце, за ним дамба и водоканал, и баржа, заснувшая во льдах.

– Иногда. Так я там больше и не был. Хотя, если бы в "Аэрофлот" взяли...

– Если бы хотел, взяли бы, – вспоминает Тася старую ссору, а я почему-то едва не смеюсь, будто кипит, будто сейчас разорвет от какого-то давнего, забытого чувства. – Я тоже собиралась, но все никак.

– Да? То крыло закрывают, кажется, на ремонт.

Тася молчит, шуршит чем-то. У меня начинает жужжать холодильник, и хочется вышвырнуть его в окно.

– Кажется, – Тася зеваает, – у всех есть такое место и время, в которое очень хочется вернуться, но уже никак. У нас с тобой, видимо, Токио.

– А что, неплохое место.

– Уга. Далекое и непонятное.

– Слушай, пока будут готовить самолет и остальное, – я не соображу, как подобрать правильные слова. – В общем, есть пара часов. Может, по кофе? Заглажу вину. Мне все равно от Киевского.

– Денис! – из голоса Таси исчезают смешинки. – Да зачем?

– Потому что я знаю кафе, где вторая чашка бесплатно?

Акт 7 Какой этаж?

Пока еду в центр, возобновляю переписку с Тасей-стартапером. Мало ли. Она и впрямь постаралась – выдумала ему биографию (Вася: сирота, тугодум, пьяница), накопила снимков. Вот что значит журналист. И только когда спрашиваешься о бизнесе, в сообщениях явно сквозит википидишность. Я не то чтобы разбираюсь в этом, но, полетав с Марией, поневоле набрался знаний. Да и проект для стартапа банальный до неприличия – социальная сеть.

Зачем? Шеф говорила, что на конкурсах под инвестирование (видите, какие слова знаю?) половина – пресловутые клоны "Facebook".

Я добираюсь до кафе и жду Тасю. За окном наваливается седая ночь; в помещении тепло, и меня утягивает в дрему. Кресло слишком удобное, официант слишком вежливый. Из динамиков накрапывает тихая музыка, под которую, наверное, неплохо помирать, но совсем ничего не хочется делать. Чтобы не уснуть, я развлекаюсь ловлей альтер-эго Таси на экономических глупостях, затем она появляется на самом деле. Мы немного сидим, и я чуть нервничаю, сам не знаю, почему. Нервничаю и несу чушь.

Вспышка: улица, подъезд.

– Ух, ты меня до квартиры, как маленькую? – грустно улыбается Тася. Щеки от мороза красные, на веках иней. Белые волосы, белый снег. Я что-то шепчу в ответ. Мне уже пора в аэропорт, и план кажется донельзя глупым.

Лифт. Я пропускаю Тасю вперед и начинаю водить подрагивающим пальцем вдоль кнопок. Ее этаж семнадцатый, но он-то и не нужен.

– Осуществляю поиск. Ошибка. Поиск, – голосом я пытаюсь изобразить робота, а звучит кисло, ненатурально. 10, 9... 2, 3. Двери лифта с шорохом закрываются, пол проседает. Нет, надо медленнее и следить за взглядом девушки. Медленнее! Успокоиться!

Тася наблюдает за мной с полускрытым весельем. 8-ой. Пауза. 7-ой. Пауза. 6-ой. Пауза. Лицо Таси чуть вытягивается. Шестой? Я нажимаю на кнопку и пальцем чувствую рельефную цифру. Лифт, жужжа, едет вверх.

– Ты забыл, где я живу? – немного обидчиво спрашивает девушка.

– Нет, мы едем туда, где это случилось, – я беру прядь ее волос и показываю. Эффект жутковатый: фигура Таси каменеет, губы сжимаются.

– Де... Что? И я снова повелась?

Девушка поднимает руку, чтобы меня хлопнуть, затем щипается.

– За что? – я тщетно пытаюсь увернуться.

Снова щипается.

– Чтобы не врал!

– Так я не врал. Я сначала загладил вину, а теперь ее совершаю.

Тася качает головой. Лицо серьезное и даже немного раздраженное.

– И что ты будешь делать, вумник?

– Буду звонить в каждую дверь и спрашивать, знают ли они тебя. А дальше...

Дальше, если честно, я и не думал. Лифт неторопливо и важно доезжает до шестого, крякает и останавливается.

– Дениска, – Тася говорит тихо, как больному, – я не выйду.

Об этом я тоже не подумал. Неувязочка. Не тащить же силой, в самом деле?

– Тогда расскажи, что случилось? Пожалуйста.

– Вам вверх или вниз? – спрашивают сзади. Я оборачиваюсь: семейная пара. Наорать на них, что лезут не вовремя? Пошли к черту!!!

– Вверх, – отвечает Тася. Голос какой-то странный, и на гостей она смотрит как приговоренная – с печалью и безнадегой.

– Вот и ладно, вместе веселей, – хмыкает мужчина. – Подвиньтесь, если можно? Извините, мы, кажется, переели, еще немного.

Семейная пара заталкивается внутрь, и мне приходится встать впрытик к Тасе – лицом к лицу. Вроде бы, знакомо и приятно, но очень не по себе. Лифт гудит, скрипят тросы. Девушка опускает голову и утыкается носом мне в плечо, как будто мы вернулись на два года назад.

Я чувствую, как дрожь пробегает по телу Таси.

– Ты вкусно пахнешь, – говорит она.

Не знаю, что ответить. Не знаю. От тесноты и близости у меня срабатывают низменные инстинкты, и хочется под ледяной душ.

Я маразматично смотрю в одну точку на макушке Таси и тщетно стараюсь ни о чем не думать. Корни и впрямь седые. Седые. Седые. Зачем оставлять седые волосы, если скрываешь причину и знаешь, что это привлечет внимание? Меня бросает в жар, я наклоняюсь к уху Таси и шепчу:

– Ты оставила волосы седыми, чтобы заметили? Ты не можешь рассказать, потому что кто-то угрожает? Тебе? Кому-то еще?

– Дениска, щекотно.

Тася, не поднимая головы, чешет ухо. Глаза закрыты, нос упирается мне в плечо.

– Просто сожми мою руку один раз. Хорошо?

Я подхватываю ладошку Таси – горячую, вспотевшую.

– Хорошо?

Никакой реакции.

– Просто со...

Лифт дзенькает, и Тася поднимает страшное белое лицо. Наигранно смеется:

– Ой, придержите, нам здесь.

Девушка выталкивает меня, испуганного и ошалелого, на площадку, судорожно ищет ключи. Лифт закрывается и уезжает.

– Тася, да что с тобой?

Тася смотрит на меня туманными глазами. Будто решается? Голос придушенный, тусклый:

– Тебе пора в аэропорт. Как ты любишь говорить? "Небо, женщины, Техас"?

– А это тут причем?

– Надеюсь, ты с ней счастлив.

От последней фразы я краснею, словно школьник на первом балу.

– Я больше не с ней. То есть, только работаю. То есть...

Тася морщится, как от горькой таблетки.

– Опоздаешь, Дениска. Лети.

Акт 8 Оленина

Две недели в небе и чужих городах. Много времени, чтобы подумать. Слишком много. Я тогда спустился на шестой этаж и проверил – ничего особенного, квартиры как квартиры. Звонить с дурацкими вопросами я постеснялся. А вдруг не шестой? Мой палец – не самый точный измеритель. Может, Тася среагировала на пятый или седьмой? Куда я шел – вверх или вниз? Или Тася смотрела на соседний ряд? Тогда получается тринадцатый этаж.

Н.С. заново пересматривает видео, но уже с меньшим рвением. После его звонков мне кажется, будто сейчас вспомню какую-то важную деталь, но она ускользает. И еще: Тася всем говорила, что была с друзьями в праздники? Положим, интервью, но зачем в остальные дни торчать дома одной? Или не дома?

Временами Тася мне снится, и тогда лицо ее близко-близко, и губы почти касаются моих. Временами меня душат седые волосы. Временами я пытаюсь разговорить Тасю в образе стартапера Василия и не понимаю, зачем эта игра. Пожалуй, самое забавное, как часто теперь Тася пишет мне от его имени. Подружились, значит.

Когда я возвращаюсь в Москву, на улицах тридцатисантиметровый снег, и солнце донельзя яркое. Н.С. забросил наше расследование, а я нет. Не могу забыть белое лицо Таси, то, как она смотрела.

Я прихожу в свою высокоэтажную могилу и заново пускаю видео. Это уже какая-то одержимость. Двери открываются и закрываются, мельтешат люди. Пятое, шестое, седьмое января. Я делаю самолетики, сплю и смотрю бредовое кино. По новой? По новой.

Вдруг в кадре появляется смутно знакомая девушка, одна. Как говорится: "Ой!" Я вспоминаю, что замечал ее с Тасей – та подруга, о которой никто не знал. Если она без Тази забредает в подъезд, значит, там и живет? Так?

Я скидываю снимок на принтер и вспоминаю о копии файлов Тази. Пару раз я их просматривал, но так ничего толкового и не нашел – ни фото стартапера (что лишь подтвердило его фальшивость), ни информации о контакте для интервью. Пока принтер гудит и чихает, я включаю поиск по папкам Тази. Фильтр – за 07.01 – 08.01. Индикаторная полоса медленно ползет к концу, окно результатов затапливается файлами. Также было и в предыдущие попытки. Я упрямо чищу то, что явно не относится к делу, – и фильмы, и музыку, и картинки, но все равно черт ногу сломит.

Принтер плюется бумажкой, я тянусь выключить компьютер, когда в столбце 'Дата изменения' вижу 08.01.12 00:16. Напротив – иконка видео. Странно, Н.С. же говорил, что электричество падало. Или он только думал, что падало?

На записи поначалу какая-то каша. Снимали, видимо, на камеру ноутбука или телефона, и качество картинки ужасное – деталей не разобрать. Кажется, некто (Тася?) впопыхах несет камеру, затем ставит. Видны на пару секунд цветы, затем темный коридор, даже черный, словно после пожара, и слева сильный засвет, от которого кажется, что смотришь через окно. Я включаю звук, но слышен лишь белый шум. Картинка дергается, и в кадре появляются светлые пятна, они приближаются асинхронными рывками, превращаясь в каталки скорой помощи. Мне становится нехорошо. Под белыми простынями явно лежат останки, и вот свесилась рука, белая, как мел, правая рука, и я тщетно вглядываюсь в пиксельный вихрь, чтобы разглядеть не то тату, не то шрам. Изображение лопається и гаснет.

Я оглядываюсь по сторонам, точно не верю, настоящая моя квартира или нет. Желудок сводит, в комнате холодно. Непослушными руками я звоню Н.С..

Нет, он не слышал ни о каком пожаре. Нет записей об отключении электричества в энергоснабжающей компании не было, он узнавал.

Ладно, успокаиваемся и возвращаемся к старой версии. Фото – консьерж – удивленные глаза.

– О, эту помню, – женщина надевает треугольные очки и покачивает головой, чтобы получше рассмотреть, – конечно, помню. Это припадошная. Оля. Или Оксана? С тринадцатого.

У меня такое чувство, будто по спине пустили электрический разряд.

– Припадошная?

– Ну да. Падает она ни с того ни с сего. Эпилептик. Давно уже ее не видела. Кажется, с праздников.

Я вспоминаю гирлянду с предупреждением. Тася сделал подарок, а тот обернулся трагедией? Пожаром?

– Она, кажется, историк, – добавляет консьерж.

Голова идет кругом. Лифт. Тринадцатый этаж. Квартира 517. Пахнет гнилью и чем-то еще. Гарью. Запах становится невыносимым, меня мутит, коридор шатается перед глазами.

Телефон гудит, и я смотрю на сообщение. От стартапера Василия: "(транслитерация) Эх, скорей бы суббота!". К письму приаттачено фото – Василий в зимней одежде и с чемоданом. На лице карикатурное нетерпение, ноги сведены, будто у ребенка, просящегося в туалет, в руках картонка: "Ждем-с". За спиной стартапера окно с видом на Киевскую набережную, как из дома Тази.

У меня екает сердце. Ничего не понимаю.

Я поворачиваю ребристую ручку – закрыто. Звоню в дверь, и через пару минут она открывается. На пороге стоит та самая невзрачная девушка: улыбается и машет перед носом рукой, улыбается и машет. Живая.

– Если ты грабитель, приходи завтра. У меня неудачный эксперимент с олениной.

Знакомьтесь, Оля. Девушка веселая, но с явными мистралями в голове. Изучает культуру народностей России, курит и между делом готовит тухлятинку по средневековому рецепту. Интервью седьмого числа действительно было, и с Тасей Оля неплохо подружилась.

Некоторое время я тупо смотрю на Олю. Мыслей ноль. Из соседней квартиры выталкивается мальчик с лыжами, орет нам "здрасьте!" и, чудом не насадив никого на палки, удаляется.

– Она ушла от тебя черноволосая? – без особой надежды спрашиваю я. – Во сколько?

– Да, конечно, – Оля удивляется и достает из-за уха сигарету. – Перед полночью, у меня тогда еще куранты встали. Собственно, – Оля пожимает плечами, – часы у многих в доме, говорят, встали. А чего? Знаешь, ты странный. Хаха, сказала девушка с подпорченным оленем в кастрюле.

Я тру лоб шершавой перчаткой. Не помогает. В голове каша, запах из квартиры Оли – что хоть убегай (и от ее сигареты – не лучше).

– Ты не знаешь, почему Тася была одна все праздники? Кроме посиделок с тобой.

– Так это, – Оля разводит руками и едва не прожигает сигаретой обивку двери, – пост. Так-то вернее с гаданием.

– Каким гаданием? – удивляюсь я. Я еще в силах удивляться, ур-ра!

– Святочное гадание. Ты, часом, не из параллельной вселенной?

Оля сумбурно рассказывает, что Тася во время интервью заинтересовалась гаданиями и, вроде бы, решила попробовать. Для ритуала требовались церковные свечи и зеркало. Свечи и зеркало.

Треснутое зеркало в пакете и свечи из сейфа Н.С.?

У меня начинает крутить под сердцем.

Акт 9 Занавес

Я поднимаюсь к Тасе и неловко жму на звонок. Слышится мультяшный смех. Квартирная площадка, несмотря на зиму, вся в цветах: жирный лавр, алое, бархатцы, рододендрон. Тут и там детские игрушки.

Я звоню снова, и Тася наконец открывает: по локоть в мыле, в левой руке – губка, на правой – бинт. Пахнет лимонным моющим средством. Улыбка девушки натягивается, как стальная пружинка, щеки вспыхивают.

– Ух. Дениска.

– Ты что-то увидела в зеркале? – говорю я как-то странно. Эй, там! Звукорежиссер!

– Как... Что? – Тася удивленно качает головой. – Откуда?.. Что?!

Я унимаю дрожь в голосе и тихо повторяю:

– Просто скажи, что ты видела? Ты же не веришь в это?

Зрачки девушки расширяются. Она отодвигается и машинально вытирает лоб рукой. На белой коже, под белыми волосами, остаются мыльные разводы.

– Дениска...

– Что у тебя с рукой? Что ты видела в зеркале?

– Нас! Я видела нас. Сначала все чудесно, а потом... видимо, пожар. Наши тела выносят под белыми простынями. Доволен?

Я вспоминаю видео. Шрам на белой безвольной руке мертвеца. Правой, как и у Таси. Меня бросает в пот.

– Таська? – доносится изнутри мужской голос. – Все нормально? Одеть штаны?

Лицо у Таси такое, будто она хочет провалиться сквозь землю. От невидимого Василия начинает подташнивать.

– О Боже, – девушка затравленно оглядывается и кричит: – Нет! Это... это ЖЭК! Насчет счетчиков!

– Так я в них разбираюсь! – орет из квартиры стартапер. – Я сейчас! Только носки найду. Жди!

Тася закрывает глаза и шумно выдыхает нечто вроде "идиот".

– Ты же не веришь в эти предсказания? – осторожно спрашиваю я. Кого я убеждаю? Ее или себя?

– Какая разница?

– Это же бред! – я нервно улыбаюсь. – Ты чего? Это бред, просто бред. Бред!

– Этот бред уже сбывается! Все мелочи, все образы, все звуки! Тот светофор, пара в лифте, надпись из песни, сообщение твоей... – да все! – Тася не замечает, что стиснула губку, и на пол, на желтые с паровозиками носки струится мыльная вода. – О Господи, Дениска, просто уходи и не возвращайся. Ты ведь этого хотел? Ведь этого? – в глазах девушки что-то мелькает. – Потому что я видела нас, и мы казались счастливыми, перед тем пожаром. Де...

– Вот и я! – на сцене появляется полуголый Василий. Улыбка до ушей, волосы потные, всклокоченные. – Теперь забудьте, что говорили с ней, она в технике курица. Говорите мне.

Такое ощущение, будто мы с Тасей все еще в лифте, и трос оборвался, и кабина проваливается в заснеженный ад, а в ушах пульс грохочет, в ушах воздух ревет; и ноги отрываются от пола.

Тася одеревенело смотрит на меня, затем шевелит красивой головой.

– Уже все. Денис Владимирович уходит. Сейчас мы не сможем поставить эту модель, у нее плохие показатели. Может быть, потом? Как-нибудь, когда...

Может быть. На подбородке ямочка, а глаза всегда лукавые и будто прищуренные.

Я возвращаюсь домой. От батарей жарко, холодильник хрюкает; в желудке у меня ворочаются ледяные глыбы. Что-то призрачное реет на краю сознания, что-то давнее, что-то ускользающее за стены, ночь, города. Остановись! Я открываю окна, словно могу догнать это далекое мгновение, и в стены ударяет гул машин. Свежий ветер волочит по полу тысячи самолетиков, затем поднимает один за другим и начинает кружить по комнате. Слышится шелест и какой-то звук, похожий на "тррр".

Может быть. На подбородке ямочка, а глаза всегда лукавые и будто прищуренные. – Может быть, – говорю я несущимся мимо самолетикам. – Может быть, один из вас доберется до Токио. Первый терминал, северное крыло. Зал ожидания. 2008 год.

Три дня Золотарева

С тех пор Золотарев хромал. Порой он, конечно, пробовал ходить без клюшки, но давалось это тяжело, с болью в полуживой ноге. И тогда проступали бугры желваков на лице – узком, вытянутом, как у шакала; лоб покрывался потом, глаза суживались.

Золотареву было тридцать семь. Прекрасный возраст для повышения, для новых достижений – чего только душа желает, – и страшноватый для увольнения по состоянию здоровья.

– Слышишь? – поднял вверх руку Севрский и заулыбался. Лысый, огромный человек в зеленоватой форме – точно вставший на дыбы дракон с острова Комодо.

Золотарев еле заметно покачал головой.

– Не слышу.

Это "слышишь" предвещало обычно какую-то угловатую шутку. За годы службы Золотарев научился воспринимать их в качестве необходимого зла, мол, в жизни никогда все идеально не бывает, но раздражало безмерно.

– Эти стены говорят, что дерьмом пахнет, Золотарь. Кто без тебя разгребать будет?

"Фиктивный друг", – так мысленно называл генерал-майора Золотарев. Пятнадцать лет они вместе работали, отмечали праздники, провожали в последний путь сослуживцев, но до сих пор в обращение Севрского чувствовалось какое-то высокомерие. Впрочем, не без причины: и моложе, и старше по должности, и популярнее среди коллег. А вот Золотарева никто – совсем никто – особо не любил.

– Давай подгребу напоследок.

Севрский махнул рукой.

– Иди домой, налей себе чаю, стисни жену и привыкай к гражданке. Приходит пора и сложить оружие.

– Гвардия умирает, но не сдается, – Золотарев осмотрел стол, усеянный папками, и принялся их нервно перебирать. – А пока не подписали, я не уволен. Ну, какое тут поинтереснее?

– Ты мне дашь работать? – скорее весело, чем возмущенно спросил Севрский.

– Не дам. Так... пацанские разборки – не хочу. Дохлый авторитет – ну нет, хватит этого. Секта? Да еще плюс изнасилование – брр, не хочу. Разборки, опять. И снова разборки. Разборки. Опять Разборки. А это что?

Под степлером лежала совсем тоненькая папка – рыжая, с запиской от лаборатории.

Севрский потер шею, нахмурился.

– Да это... какая-то ерунда. Очередная странность после "Отребья". Мне еще с полгода, видимо, за вами хвосты замазкой замазывать.

Золотарев поморщился. Последние четыре года он участвовал в охоте на преступную группировку "Белое отребье". Получил за нее две медали, какую-то прибавку к пенсии, по штырю в ногу, бедре и колене и почетное увольнение. Пиррова победа, которая вызывала отнюдь не радость, а горькую такую, натянутую улыбку.

– Ну-ка.

Золотарев открыл папку и замер, когда Севрский бросил нечто вроде "чушь, огурцам отдадим". "Огурцами" они называли зеленых юнцов, это было в порядке вещей, но Севрский врал, как сивый мерин. Значит, и в самом деле интересное; значит, решил захватить себе.

За эту способность определять ложь – на каком-то бессознательном, почти животном уровне – Золотарева никто и не жаловал.

В папке находилось всего два документа, оба по запросу Севрского: анализ мусора, который собирали во время слежки за штабом "Отребья" – красным обвели "предметы женской гигиены" в категории "соседи слева", и записка групп наблюдения:

"В доме номер 6, слева от объекта, проживают два брата: Кушаков и Марицин. Не работают. За полгода больше никто замечен не был. Никаких гостей. Подтверждено".

Золотарев почувствовал холодок внутри.

– О, как интересно.

– Слышишь? – Севрский нарочито вздохнул и ткнул большим пальцем за спину. – Эти стены говорят, что тебе пора на покой.

– Скажи им... – Золотарев хотел придумать шутку, но так и не нашелся с ответом. – Да ничего им не говори.

Штаб "Белого отребья" находился в коттеджном поселке "Британика": стандартный копия-пастный дом в стиле европейских пригородов. Соседний номер 6 ничем не отличался – те же беленькие стены, тот же гараж, та же идеально красная, ровная черепица.

Золотарева бесило это подражание западу. Сам он полжизни провел в хрущевке, а другую половину – в однушке, с женой и дочерью. Было тесно, неудобно... и лучше бы так оставалось всегда.

На звонок вышел мужчина лет тридцати. Пучеглазый, сутулый, похожий на удивленную обезьянку.

– Из вашего дома звонила женщина, – как можно увереннее начал Золотарев, – сообщила о брошенной машине неподалеку.

Это, конечно была выдумка, но мужчина замечтно растерялся. Посмотрел внутрь дома, приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать, да так и замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.